

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе

Санкт-Петербургского

государственного университета

Микушев С.В.

23.06 2021 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации о диссертации Николая Александровича Гаршина «Деформация толерантности в условиях “общества риска”», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – Социальная философия.

Содержание диссертационного исследования Николая Александровича Гаршина «Деформация толерантности в условиях “общества риска”» строго отражает название работы. Современными исследователями, работающими в общественных и гуманитарных науках, неоднократно отмечалась неизбежная смена парадигм в восприятии проблемы «свой—чужой» в условиях стремительно развивающегося постиндустриального общества. Медиапространство с его принципами идентификации и особенностями выстраивания коммуникации между субъектами неизбежно порождает споры и дискуссии о том, существуют ли общепризнанные основания, всеми разделяемые ценности, которые обеспечивали бы конструктивное и благожелательное восприятие его участников. С другой стороны, современное глобальное общество переживает период кризиса привычных социальных, политических, идеологических и культурных институтов, которые прежде обеспечивали стабильность в отношениях различных

общественных групп. Сложившаяся система отношений такого рода институтов, которую небезосновательно называют «обществом риска», требует не только политического или социологического, но и глубокого социально-философского и ценностного анализа. Именно в этом и заключается актуальность представленной на защиту диссертации.

Необходимо отметить, что Н. А. Гаршин успел зарекомендовать себя как активный самостоятельный исследователь. Результаты проведенной им работы были апробированы в 15 публикациях по теме диссертации, из которых 9 — в журналах, входящих в перечень ВАК. Он также принимает активное участие в научных мероприятиях международного и всероссийского уровня, на которых докладывает о проведенной работе и достигнутых результатах и которые нашли свое отражение в тезисах и статьях по итогам выступлений. В этом смысле можно говорить о том, что перед нами продуманная, постепенно выкристаллизовавшаяся работа увлеченного исследователя, ответственно подходящего к публикации своих научных достижений.

Текст выстроен логично, последовательно раскрывая различные аспекты деформации толерантности в условиях общества риска. Диссертация состоит из введения, двух глав, каждая из которых разбита также на три параграфа, заключения и списка литературы, включающим 224 позиции (26 из которых — на английском языке). Рассмотрим кратко содержание диссертации.

Первая глава посвящена историко-философскому анализу концепций толерантности в разные периоды истории мысли. Н. А. Гаршин сосредоточивает свое внимание на переходных моментах артикуляции концепций толерантности в работах различных авторов, а также исследует основания для той или иной оценки толерантности и ее роли в общественном бытии. Основной своей задачей он видит установить, «в какую историческую эпоху и на каком этапе становления философских идей начались деформационные процессы, связанные с проблемой толерантности» (с. 8

автореферата). Вполне логично поэтому, что первый параграф посвящен разбору концепцией толерантности у философов античности, средневековья и Нового времени. Это изложение представлено автором конспективно, что, с одной стороны, позволило избежать излишней детальности описаний учений тех или иных мыслителей, а с другой стороны, выделить важные мотивы в становлении идеи толерантности в классическом философском дискурсе. Кроме того, диссертант уделил существенное внимание различным концепциям толерантности в курсе русской философии — им представлены и проанализированы идеи А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева и Н. Ф. Федорова, а также проанализирована переписка Ивана Грозного с князем Курбским. Указанный список имен сам по себе является свидетельством оригинальности взгляда Н. А. Гаршина на процесс развития идеи толерантности в истории русской мысли, а потому представляется весьма ценным основанием для дальнейших концептуальных обобщений и выводов, изложенных в диссертации.

Во втором параграфе первой главы автор переходит к исследованию принципов, применяемых в современных концепциях толерантности. Здесь обсуждаются идеи представителей Франкфуртской школы, а также таких направлений социальной и политической философии, как коммунитаризм, либертарианство, утилитаризм. Автор указывает, что в современные теоретики (как зарубежным, так и отечественные) склонны рассматривать толерантность как особую категорию, во многом определяющую бытие человека в социуме, развитие различных социальных групп и иных социальных субъектов. Применяемый автором компаративистский (сравнительный) анализ указанных направлений позволяет представить и проанализировать отчуждение в качестве социального феномена.

Третий параграф является закономерным продолжением заявленной в предыдущем теме — в нем анализируются условия и факторы формирования толерантности в обществе. Диссертант стремится выявить

ключевые факторы, обуславливающие причины как формирования толерантности, так и ее деформации. Анализ различных проявлений толерантности в обществе, ее взаимосвязи с различными социальными институтами приводит к мысли о необходимости сформулировать комплексную и непротиворечивую теорию деформации толерантности в условиях общества риска. Такая теория, как указывает Н. А. Гаршин, позволила бы найти способы преодоления негативных тенденций, связанных с актуальными (и глобальными) социальными процессами, в которых важную роль играют именно критерии толерантности. Среди этих процессов автор отмечает массовизацию, миграцию, развитие масс-медиа, кризисы идентичности и идеологии и проч.

Вторая глава посвящена целостному осмыслению проблемы рисков и их роли в структуре современных общественных отношений. Диссертант рассматривает различные подходы к обществу риска как в философии, так и в иных социально-гуманитарных науках, выявляет взаимосвязь общества риска и деформации толерантности, а также анализирует основные риски, характерные для современности, и способы их преодоления. Методологический и концептуальный анализ общества риска проводится уже в первом параграфе второй главы. Здесь же со ссылкой на работы У. Бека вводится одно из ключевых для диссертации понятий — общество риска. Автор указывает, что концептуализация феномена общества риска случилась не вдруг, но происходила в несколько этапов. Отмечая дискуссионность содержания этого понятия, автор тем не менее заключает, что современное общество непосредственно связано с нарастанием разнообразных рисков и их активным воздействием на общественные процессы в различных областях жизни социума. Развитие медиа обуславливает более высокую восприимчивость современности к рискам, чем это было характерно для предыдущих эпох, а, следовательно, необходима особая, более гибкая методология преодоления отрицательных последствий их накопления. Из сказанного ясно, что общество риска оказывается той средой, в которой

происходит деформации толерантности, а потому возникает задача по выявлению основных аспектов это процесса, включающая в себя определение его взаимосвязи с прочими социальными институтами, а также анализ отношений между феноменом общества риска и процессом деформации толерантности, их взаимной зависимости.

Во втором параграфе Н. А. Гаршин анализирует кризис толерантности как одной из тенденций в развитии общества риска. Для этого он обращается к определению сущностных различий между понятиями «деформация» и «трансформация». Выясняется, что деформация толерантности непосредственно связана с происходящими в современном обществе и основных его институтах трансформациями. Кризисы социальных институтов описываются автором как система, требующая своего осмысления. Отмечается, что происходящие трансформации порождают новые риски, что также привлекает внимание современных исследователей. Учитывая снижение политического доверия, кризис идеологий и идентичности, автор настаивает на необходимости компетентного контроля, а также выработки принципов самоконтроля не только в медийном пространстве, но и в организации деятельности общественных и политических движений и партий.

Вполне логично, что в третьем параграфе автор сосредоточивается на обсуждении путей преодоления деформации толерантности. Прежде всего, диссертант выделяет ключевые особенности, которые характерны для деформации толерантности на контексте российского общества, среди которых: последствия распада СССР; наличие фронтальных идентичностей; существенные изменения в общественном сознании, пришедшие с медиа и западной массовой культурой и проч. Также отмечается, что связь толерантности и идентичности чрезвычайно высока. Важнейшим инструментом формирования общественного мнения в рамках постиндустриальной цивилизации являются массмедиа, причем их влияние распространяется как на позитивные аспекты идентификации, так и на

негативные ее проявления, приводящие к формированию ложных или отрицательных стереотипов по отношению к Другому. Н. А. Гаршин приходит к выводу о том, что, хотя имеется возможность избирательного потребления медиаконтента, необходимо продумать нормативно-правовую базу, которая способствовала бы рисков формирования скрытых форм ксенофобии и их трансляции, в различных медийных форматах в СМИ и через интернет. Кроме того, важно сохранить, переосмыслить и передать ценности толерантного отношения к Другому в российской системе образования. Диссертант вполне обоснованно считает, что таким образом можно улучшить деловой климат в России, создав среду, ориентированную на сотрудничество и взаимовыгодное партнерство.

В заключении к диссертации представлены последовательные и аргументированные выводы.

Среди положительных сторон диссертационного исследования нам хотелось бы отметить:

- знакомство автора как с концепциями современных зарубежных, так и отечественных философов, социологов, публицистов и политических аналитиков, которые в разных аспектах рассматривают проблемы толерантности и предлагают оригинальные ее концепции;
- тщательный анализ понятия «общество риска», проведенный с учетом оригинального контекста, в котором оно появилось, и интерпретация его в условиях современности, в том числе в рамках российских социокультурных реалий;
- последовательное и непротиворечивое описание и осмысление концепций толерантности в работах русских философов;
- взвешенные и обоснованные выводы о взаимосвязи толерантности с основными социальными институтами, а также ее роли в формировании системы общественных отношений. Диссертанту удалось показать тесную взаимосвязь между современными идеологиями и идеологическими аппаратами и толерантностью как важнейшим условием и

ключевой ценностью в межкультурном диалоге, а также в формировании принципов выстраивания позитивных и конструктивных отношений к Другому в условиях современного медиапространства;

- обоснование специфики понимания и проявления толерантности как одного из важнейших условий для преодоления существующих в российском обществе кризисов социальных институтов, идеологий и идентичностей.

Помимо указанных положительных сторон диссертационного исследования, нам хотелось бы перечислить и замечания, возникшие в ходе прочтения текста.

Прежде всего вызывает сомнение первое положение диссертанта. Автор формулирует его следующим образом: «Проведенный категориальный анализ показал, что деформация качественным, а не количественным образом отлична от трансформации. Деформационные изменения, в отличие от трансформационных, носят необратимый характер и обрывают практически всякую связь с предыдущими состояниями. Кроме того, трансформация может быть рассмотрена в позитивном ключе, тогда как деформация – по своей природе и в соответствии со словарным толкованием данного термина – указывает на некую “испорченность”, “поломанность”» (с. 7). Неочевидна новизна этого положения и, следовательно, необходимость в вынесении его на защиту, если автор, как он сам указывает, не выходит за пределы словарного толкования этих понятий. И хотя на с. 6 автор конкретизирует, что категориальный анализ понятий «трансформация» и «деформация» он предполагает дать «в их социально-философском преломлении», тем не менее, такой этимологический прием для диссертанта характерен: избегая дефиниций, он склонен обращаться к происхождению слов (например, в случае с понятиями «демократии» на с. 115 или «республики» на с. 116), не рассматривая при этом процесс изменения этих понятий с течением времени в различных культурах. В итоге на защиту

выносятся по существу не синтетическое, а аналитическое, говоря языком логики, т.е. тавтологичное, самоочевидное положение.

Во-вторых, в диссертации осталось не определено ключевое понятие «толерантность», а также не зафиксировано его отношение к таким близким или смежным (а в текстах некоторых авторов — и тождественным) понятиям, как «терпимость», «уважение», «свобода совести», «свобода слова» и проч. При этом диссертант осознает, что здесь скрываются существенная «терминологическая неопределенность» (с. 39), как он сам говорит об этом в связи с анализом концепта толерантности у В. С. Соловьева. На с. 74 автор подчеркивает, что толерантность — это ценность, что имеет место явление деформации толерантности, что толерантность развивается и что границы ее расширяются. Эти идеи в той или иной форме встречаются на протяжении всей главы, достигая своей кульминации в положении о растворении толерантности в многообразии коннотаций (с. 105—106). Следует, однако, заметить, что если границы размываются или деформируются, — это означает что эти границы были, а, следовательно, исходно наличествовала определенность понятия или явления. К сожалению, никаких дефиниций автор нам не предлагает, ограничиваясь, по-видимому, обыденным пониманием толерантности — что входит, между прочим, в противоречие с одной из указанных целей исследования, а именно: «Установление содержания ключевых терминов, таких как “толерантность”, “деформация”, “общество риска”, и выявление степени их трансформации в процессе исторического развития» (с. 5).

В-третьих, представленный на с. 12—22 очерк о «латентном проявлении и осмыслении толерантности» (говоря словами автора) в античности и Средних веках не кажется нам вполне убедительным, а вывод о том, что «толерантность как культурный феномен находилась в латентной форме в европейской культуре с Античности», — должным образом обоснованным. С одной стороны, практически проигнорированы оригинальные тексты, в которых содержатся концептуальные описания того,

что автор понимает под понятием «толерантность» у античных или средневековых авторов. Кроме сочинений Сенеки Младшего все остальные работы, на которые даны ссылки, современные. Тем не менее, в античной истории существуют содержательные примеры проявления религиозной толерантности или нетолерантности. Так, известен эпизод с восстанием маккавеев, спровоцированный посвящением иудейского храма Зевсу Олимпийскому Антиохом IV Эпифаном. Любопытно, что автор на с. 16 указывает: «<...> наблюдалось относительно толерантное отношение к народам, имеющих своих божеств и религии и верящих в них. Данная система взглядов имела распространение на территории всей Римской империи. Захват новых территорий и смена власти, как правило, приводили к изменению структуры пантеона, однако жителям новых провинций позволялось верить в своих богов, подчинив их Зевсу, то есть поставив их в иерархии ниже его». Но ведь преследование христиан, например, началось вследствие их отказа от признания исключительности культа императора, и именно сакрализация императорской фигуры, т.е. политический элемент в религии Древнего Рима, была отличительным свойством толерантности имперского космополитического государства. К сожалению, содержательных примеров, в которых бы фигурировали конкретные исторические деятели или описывались бы события из истории Древнего мира или Средних веков, автор не рассматривает, ограничиваясь умозаключениями на основании общих положений из всемирной истории или же привлекая неспециальные работы современных исследователей. Именно поэтому вывод, который делает автор на с. 31 кажется парадоксальным: «<...> если в Античности и Средневековье, когда теоретического понимания толерантности еще не было, она оказывала весьма незначительное влияние на общественную жизнь, то с течением времени толерантность стала выступать в качестве основы права, ведения политики и в целом оказывать значительное влияние на культуру». Однако известно, что в империи диадохов (как и в римской империи) толерантное отношение к местным божествам и культам было одним из

важнейших условий сохранения внутренней политической и культурной стабильности, а установление Феодосием I христианства в 381 г. не принесло веротерпимости к «инакомыслящим» — язычникам и еретикам.

В-четвертых, представляется спорным положение, высказанное диссертантом на с. 104: «<...> толерантность, находясь одновременно и внутри идеологии как одна из ценностей, задающих ее структуру, и снаружи, устанавливая ее социальные рамки, определяет социокультурную нишу феномена идеологии». Автор аргументирует свою точку зрения противопоставлением «толерантной христианской культуры» и мусульманской культуры, которая не склонна к проявлениям толерантности и инакомыслию. При этом, с точки зрения автора, в рамках христианства идеология была вполне приемлемым феноменом духовной жизни и даже играла роль одного из «определяющих факторов общественного развития» — в то время как догматический ислам не допускает никаких идеологических построений. Из этого делается вывод о том, что «выбор идеологической системы в той или иной культуре во многом зависит от наличия или отсутствия в ее “цивилизующих смыслах” толерантности» (там же). Однако современные исследователи (среди которых Д. Узланер, А. Кырлежев, Л. Стевенсон и др.) склонны считать идеологию способом существования (в том числе и в редуцированном качестве) религиозных доктрин в сфере политического. Другими словами, те явления, которые диссертант противопоставляет как толерантную христианскую и нетолерантную мусульманскую культуру, по сути сами являются идеологическими конструкциями в рамках складывающегося глобального политического дискурса. Таким образом, толерантность является, скорее, отличительным свойством той или иной идеологии, а не фактором, допускающим или не допускающим идеологическое разнообразие в рамках некоей духовной культуры. Это возражение вызвано также и нестрогим употреблением понятия «идеология», которое диссертант оставляет без определения. Тем не менее, из текста видно, что идеологии могут быть, во-первых,

разнообразными, во-вторых, выступать противоположностью толерантности, и в третьих, что толерантность может быть элементом некоторых идеологий.

Наконец, в-пятых, среди важных теоретических недочетов мы должны назвать и то, что автор в тексте работы ни разу не упоминает и никак не обсуждает классический парадокс толерантности, сформулированный К. Поппером. Мы имеем в виду его 4 авторское примечание к 7 главе 1 тома работы «Открытое общество и его враги»: «[Н]еограниченная терпимость должна привести к исчезновению терпимости. Если мы безгранично терпимы даже к нетерпимым, если мы не готовы защищать терпимое общество от атак нетерпимых, терпимые будут разгромлены». Тем не менее, диссертант на с. 25 своего исследования пишет: «Таковыми границами – как в теории Дж. Локка, так и в современных либеральных теориях – остаются законность и требование терпимости для того, чтобы иметь право на терпимость. В самом деле, никак нельзя относиться толерантно к тому, что нарушает закон, а значит, угрожает общественному порядку и соблюдению социальных норм». Также в латентной форме этот парадокс содержится в рефлексиях о взглядах И. Канта на толерантность на с. 29—30: «Власть имеет право на толерантное к себе отношение, однако только до той поры, пока сама толерантно относится к гражданам: не становится деспотичной, репрессивной и т.п. Таким образом, категорический императив Канта переходит в сферу политической философии: уважай власть, пока власть уважает тебя. В ином же случае, при нарушении данных границ толерантности, власть теряет право на толерантное к себе отношение». Примечательно, что и в текстах русских философов диссертант обнаруживает подобные идеи. Так, разбирая аргументы в работе К. С. Аксакова «О современном человеке», автор указывает, что по мнению русского философа «<...> членами общества, которое основывается на единстве исповедания, не могут быть те, кто это исповедание нарушает. Если человек нарушает основу общественного союза, его удержание в таком союзе будет означать соглашение с совершаемым нарушением, т.е. отказ от исповедания как нравственной основы» (с. 36). В

следующем же предложении диссертант замечает: «Подобного рода теории отмечаются уже в XX веке в западноевропейской философии», — но о том, какие теории имеются в виду, речи не идет. То же самое повторяется в связи со взглядами Н. А. Бердяева — автор пишет: «Бердяев формулирует идею отсутствия права на толерантное отношение у субъекта интолерантности, чем во многом опережает западные теории конца XX века» (с. 42). На с. 62 читаем: «<...> в современном мире, с учетом роста контактов с исламским миром, возникает следующий парадоксальный вопрос: “Насколько далеко должна распространяться терпимость в отношении нетерпимости, проявляемой другими?”» — при этом ссылка в связи с цитатой дается на текст статьи С. Г. Ильинской. Насколько нам удалось установить (по базе eLibrary), в статьях, написанных диссертантом, ссылок на важный для исследования выбранной им темы труд К. Поппера также не содержится. Возникает закономерный вопрос, осознает ли автор существование этого парадокса толерантности — ведь, судя по опубликованным им текстам (в том числе и диссертации), складывается впечатление о том, что это без преувеличения фундаментальное положение им в методологическом отношении не отрефлектировано.

Помимо прочего мы хотели бы отметить и некоторую небрежность, отношения автора к обоснованию выдвигаемых им положений. С одной стороны, работа содержит множество декларативных положений, типа: «историки сходятся во мнении, что...», или «высказывается точка зрения, что...», или «ряд авторов говорит о...». Доходит до того, что автор в своей аргументации допускает обращения к стереотипам под предлогом научности факта или очевидности положения, например: «Исследователи отмечают, что менталитет славян основан на милосердии, искренности. Русский народ всегда готов поделиться последним, чтобы спасти близкого человека» (с. 31). Такое заявление порождает множество вопросов: кто эти исследователи? В каких работах об этом сказано? Каково отношение в данном контексте между понятиями «славяне» и «русские»? И это при том, что тут же автор

указывает: «При написании данной работы учитывалось большое количество источников, характеризующих идеи толерантности». Такие положения лишь множат «общие места», которых и без того слишком много в гуманитарных и социальных науках. Хотелось бы пожелать автору в дальнейшем избегать этих «общих мест» и ссылаться на те работы, которые он имеет в виду, отстаивая или даже озвучивая ту или иную точку зрения.

С другой стороны, цитирование автором источников порой не может не вызвать возражений. Это касается тех случаев, когда ссылка дается на источник в целом, а не на конкретное место в нем и правомерность ссылки на источник целиком неочевидна. Например, говоря на с. 27 о том, что важные для современности идеи толерантности по отношению к свободе совести, свободе вероисповедания и свободе слова в работах Ш. Монтескье были в дальнейшем развиты И. Кантом, автор дает ссылку на работу С. Г. Ильинской «Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика» (М., 2007) без уточнения страницы и не приводя никакой цитаты из источника. Если бы это была ссылка на какую-то работу И. Канта (пусть и целиком), это было бы контекстуально оправданно, но в данном случае читатель остается в недоумении, что имеет в виду автор, ссылаясь на источник с достаточно общим названием и содержащим 288 страниц текста. На с. 28 повторяется то же самое. Автор пишет: «Пожалуй, венцом новоевропейских теорий толерантности можно признать учение Канта», и снова дает ссылку на тот же источник целиком — но ведь из названия текста не ясно, что он посвящен анализу идей Канта. Примечательно, что в списке литературы нет собственно ни одного текста И. Канта, об идеях которого рассуждает диссертант, что кажется нам существенным недочетом для квалификационной работы.

На той же с. 28 мы находим еще один пример: «По своей сути, вечный мир есть такое мировое общественное устройство, при котором человек и государство, а также взаимодействие различных государств устроены таким образом, чтобы максимизировать возможность реализации личных прав и

свобод человека и обеспечить конструктивный диалог различных государств». Здесь дана ссылка на текст пространной книги У. Кимлики «Современная политическая философия: введение» (М., 2010) целиком. В книге У. Кимлики речь идет об анализе современных политических концепций — от либерализма и либертарианства до правых взглядов; на что именно ссылается автор, указывая лишь номер источника?

Показательно место на с. 41: (речь идет о взглядах на толерантность В. С. Соловьева): «Именно терпимое отношение к личности преступника, определенная жалость к нему могут позволить обществу не просто наказать [102] его, но и вразумить, перевоспитать такого человека». Источник [102] — это книга М. Маклюэна «Понимание медиа: внешние расширения человека» (М., 2014); какое отношение эта работа имеет к обоснованию идей В. С. Соловьева в контексте философии права, остается только догадываться. Или другой равносильный пример (с. 86): «Особая проблема заключается в том, что на границе всякой политической системы [190] возникают факторы, усиливающие влияние риска на общественные процессы внутри социальной системы». Источник [190] — это статья К. Шмитта «Понятие политического»; что именно автор подразумевает, вклинивая ссылку в середину текста, не ясно.

Наконец, в ряде случаев при цитировании указаны неверные позиции из списка литературы. Так, на с. 18 вместо источника [179] должен быть источник [183]; на с. 20 — согласно Списку литературы, в источнике [199] нет с. 94; на с. 20: в источнике [83], на который ссылается диссертант, по-видимому, должна быть не с. 4, а с. 333; на с. 25 источники [113] и [114] в перечислении перепутаны и т.д.

Впрочем, приведенные замечания не отменяют общей положительной оценки работы. Диссертация выполнена на высоком теоретическом уровне, опирается на авторитетные источники и труды современных отечественных и зарубежных авторов, исследовавших различные концепции толерантности и общества риска. Диссертация Н. А. Гаршина является самостоятельной

научной работой, решающей актуальные проблемы в предметном поле социальной философии; автором сформулированы и обоснованы выводы, имеющие важное значение для понимания и интерпретации одной из ключевых ценностей современного глобального общества — толерантности. Личный вклад соискателя состоит в том, что он последовательно проанализировал деформацию и трансформацию представлений о толерантности в реалиях современного общества риска и возможные пути преодоления сложившегося кризиса современных общественных институтов. На основе этого анализа диссертантом были получены новые результаты и сформулированы положения, которые могут применяться как в исследовательских, так и учебных целях. Материалы диссертации могут лечь в основу дальнейших исследований в областях социальной философии, социокультурной антропологии, социологии, психологии, культурологических дисциплин, а также послужить материалом для гуманитарных университетских курсов — как специальных, так и общего профиля.

Автореферат диссертации соответствует основному содержанию работы. Публикации в журналах, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата философских наук, отражают результаты проведенной работы. Диссертация «Деформация толерантности в условиях “общества риска”» соответствует профилю Совета, а также требованиям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Правительством РФ 24.09.2013 г. № 842, и ее автор Николай Александрович Гаршин заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – Социальная философия.

Отзыв подготовлен к.ф.н., доцентом кафедры философской антропологии СПбГУ А. А. Львовым, обсужден и утвержден на заседании кафедры философской антропологии Института философии Федерального

государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»,
(протокол № 11 заседания кафедры от 23. 06.2021 г)

Заведующий кафедрой
философской антропологии
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»
Д.ф.н., профессор

Быстров Владимир Юрьевич

*Личную подпись Быстрова В.Ю.
заверяю.*

*Исполнитель
по кафедре*
Машкина Т.Р.
23.06.2021

Сведения о ведущей организации:
Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет».
Почтовый адрес: 199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9.
Телефон: +7 (812) 328-20-00.
Адрес электронной почты: spbu@spbu.ru